

- ¹⁴ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 2014. Т. 15. Кн. 2. С. 343.
- ¹⁵ В середине декабря 1877 г. отношения Тургенева со «Словом» прекратились, поскольку в него на роль ведущего критика был приглашен М.А. Антонович, еще в 1862 г. выступивший на страницах «Современника» со статьей «Асмодей нашего времени», где роман «Отцы и дети» был объявлен пасквилем на молодое поколение (см.: *Бушканец Е. Г.* И.С. Тургенев и журнал «Слово» // Русские писатели и народничество. Межвузовский сб. Горький, 1977. Вып. 2. С. 91–98). А в 1877 г. на страницах газеты «Тифлисский вестник», в номере от 4 мая тот же Антонович обрушился на новый роман Тургенева «Новь», обвинив «маститого беллетриста» в плагиате... у М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Антонович М.А.* Из «Заметок о журналах» // Антонович М.А. Литературно-критические статьи / Подготовка текста, вступит. ст. и комментарии Г.Е. Тамарченко. М.; Л., 1961. С. 342–346). Правда, в «Слове» Антонович продержался недолго, всего три месяца. Любопытно, что он был устранен из редакции журнала вместе с вышеупомянутым И.А. Гольдсмитом (см.: *Тамарченко Гр. М.А.* Антонович – литературный критик и полемист // *Антонович М. А.* Литературно-критические статьи. С. XLIII).
- ¹⁶ См.: *Zola. Corr.* Т. II. P. 562. Note 3.
- ¹⁷ Слово. 1878. № 3. С. 50.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: *Шерешевская М.А.* И.С. Тургенев в письмах Генри Джеймса // Русская литература. 1983. № 2. С. 142.

С.А. Ипатова
С.-Петербург

К РЕКОНСТРУКЦИИ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ЗАМЫСЛА ТУРГЕНЕВА <Роман о русских и французских революционерах>

Ни об одном из своих замыслов последних лет жизни Тургенев не говорил столь часто и подробно, как о романе, зафиксированном в литературе о нем под условным названием <Роман о русских и французских революционерах>.¹ Сведенные воедино имеющиеся сведения, а именно: эпистолярные высказывания самого писателя, многочисленные мемуарные свидетельства его собеседников этих лет, упоминания в газетных статьях, включая иностранные, и др. позволяют прийти к выводу, что сведения эти не противоречат друг другу; что возможно установить не только хронологические рамки работы писателя над этим замыслом (конец 1879 г. – вплоть до начала 1883 г.), но и вероятного прототипа (или прототипов) главного

героя-революционера; что сюжет этот, хотя и в общих чертах, поддается реконструкции, включая его развитие (трансформацию), и, наконец, на основании забытых свидетельств, озвучить возможные заглавия этого масштабного замысла.

Одним из первых, кто обнародовал сюжетную канву будущего романа, был В. Рольстон. 22 октября 1881 г. в день обеда, устроенного английскими литераторами Тургеневу, Рольстон поместил в «Athenaeum» заметку, где упомянул о «значительном прогрессе» в работе над «будущим романом», над которым писатель трудился летом в Спасском: «Он будет посвящен, как и “Новь”, тревожным — можно даже сказать взрывоопасным — явлениям, которые оказывают такое сильное воздействие на русскую мысль и действительность. <...> Смысл романа заключается в том, чтобы показать, как резко обозначена граница, как глубока пропасть, разделяющая русский социализм от западноевропейского. <...> г. Тургенев представит перед глазами читателей тех храбрых мужчин и прекрасных женщин, которые искренне посвятили себя делу улучшения тяжелой участи простых людей путем революции <...> раскроет тайные пружины их нравственного и умственного склада. Он покажет, насколько тщетны усилия русских приверженцев социализма объединиться — даже найти отклик — у революционеров Франции и остальной части Западной Европы, на которых он смотрит как на братьев и сестер по общей борьбе, но от которых его отделяют силы, о существовании которых он едва догадывается и с которыми тщетно сражается».² Однако едва ли можно говорить о «значительном прогрессе» работы над романом к концу 1881 г., исходя из свидетельства самого Тургенева: «О романе еще не думаю, — писал он 8(20) ноября Ж. А. Полонской, — хотя о нем уже пропечатали в нескольких английских и немецких газетах. Неужели из старого засохшего дерева пойдут новые листья и даже ветки? Посмотрим».³

Позже в некрологической статье о Тургеневе Рольстон сообщит, что собирался провести лето и осень 1882 г. в Спасском, с тем чтобы под руководством писателя переводить новое произведение на английский язык по мере его написания; роман «должен был иллюстрировать огромную разницу, существующую между социализмом России и социализмом Западной Европы»; в передаче Рольстона «план романа» был «приблизительно следующий: русская девушка, примкнувшая к нигилистическим идеям, покидает родину и поселяется в Париже. Там она встречает молодого француза-социалиста и выходит за него замуж. Некоторое время все идет как следует в семье, воодушевленной общей ненавистью ко всем законам и всем обрядам. Но, наконец, молодая женщина знакомится и разговаривает с одним из своих соотечественников, который рассказывает ей,

что русские социалисты думают, говорят и делают на ее родине. Она узнает с ужасом, что цели и стремления русских революционеров существенно расходятся с целями французских и немецких социалистов, и что глубокая пропасть разделяет ее от мужа, с которым она всегда считала себя вполне согласной. Как должна была кончиться история – не знаю».⁴

О новом замысле большого романа еще до сообщения Рольстона знали Ю. Шмидт и Л. Пич. Распространившийся слух о новом масштабном произведении Тургенева побудил ряд издателей и редакторов обратиться к писателю, предлагая ему страницы своих изданий. Так, в письме от 23 сентября 1881 г. к Фридриху Дернабургу, главному редактору «National Zeitung», Тургенев заметил, что роман, о котором тому говорили Шмидт и Пич, только задуман,⁵ а 27 октября 1881 г., отвечая на письмо Ю. Роденберга, редактора немецкого «Rundschau», он написал о задуманном большом произведении как о «едва начатом»: «...пройдут многие месяцы, даже, может быть, целый год, прежде чем оно будет окончено, – если только я его вообще кончу».⁶ Французская издательница журнала «La Nouvelle Revue» к письму от 5 ноября 1881 г., адресованному Клоди Виардо (Шамро) и ее мужу, приложила вырезку статьи Рольстона, из которой она узнала о новом романе Тургенева: «...этот роман мне необходим – оплачу его золотом».⁷ Пройдет год и о новом романе будет говориться как о «совершенно сложившемся», но не на бумаге. Так, американский политический деятель и литератор Джон Хей, посетивший Тургенева в Париже в начале декабря 1882 г., писал Генри Джеймсу: болезнь «вынуждает его отказаться от своего намерения провести лето в России <...> где хотел написать роман, уже совершенно сложившийся в его голове».⁸ В.В. Верещагин вспоминал: «Что Тургенев собирался писать и уже начал большой труд, это я узнал сначала от приятеля его, известного немецкого критика Питча, а потом также и от него самого; теперь, уже после его смерти, я слышал, что задумывался роман с отзывом на движение мысли русской молодежи последнего времени».⁹

Уже в России после смерти писателя появился целый ряд подробных мемуарных свидетельств о сюжете этого замысла. Наиболее ценными среди них, значительно расширяющими его сюжетные и смысловые рамки, являются воспоминания некоего Н. М. (лицо неуст.), русского эмигранта из круга парижских знакомых Тургенева последнего периода его жизни, в которых говорится, что после публикации «Отчаянного» (январь 1882) писатель признавался ему: «Вообще я и сам не придаю большого значения последним своим писаниям. Это пробы пера после долгого молчания. Вот я занят теперь более серьезной вещью; мне давно хочется написать роман, в

котором выразилась бы коренная разница духовных основ русского человека и француза; показать в этом романе глубину психических причин и мотивов у русского протестанта и отщепенца рядом с формализмом и традиционной шаблонностью французского революционера, который никогда не выходит из раз установленных рамок, идет по утопанному руслу, верит в себя и в свои формулы, тогда как русский вечно копается в своей душе, вечно занят разрешением нравственных вопросов и исканием правды... Не знаю только, удастся ли мне довести дело до конца и справиться с сюжетом. Стар я, умру скоро». Роман этот, — продолжает мемуарист, — «основная идея которого сильно занимала Тургенева, так что он постоянно о ней заговаривал, был уже, по-видимому, им давно начат, ибо, говоря о нем, Иван Сергеевич указывал на лежащую перед ним кипу исписанных листов. Героями его <...> должны были быть русская девушка-революционерка, вышедшая замуж за французского социалиста и скоро понявшая всю глубину духовного различия и взаимного непонимания между ею и мужем. Одно из основных мест в романе, — свидетельствует Н. М., — должен был занимать тип русского социалиста-мистика, искавшего разрешения социально-нравственных вопросов в новой религии, — тип, списанный Ив. Сергеевичем с натуры, с лица, с которым он вел за границей долгие беседы и переписку. <...> Тургенев особенно любил беседы на тему о нравственной и психической разнице между русским и западноевропейским человеком»: эта разница, говорил писатель, является «причиной трогательного и вместе с тем трагического положения русского борца за прогресс: оттого что у нас нет еще пока классовой экономической борьбы, он, то есть этот борец, принадлежа сам к привилегированному, обеспеченному материально классу, отстаивает интересы обездоленного народа; и в то же время он не встречает поддержки и сочувствия в том самом большинстве, за интересы которого он стоит, ибо между ним и этим большинством — взаимное идейное и культурное непонимание и рознь. В этом вся драма русского идейного человека, в этом заключается причина его изолированности, почти бесцельности его попыток, его ошибок и преждевременной, бесполезной гибели массы энергических и честных сил...

Другая характерная разница между русским и французом, — замечал дальше Иван Сергеевич, — выражается в удивительной позитивности устного склада мыслящего русского человека. <...> отсутствие священных формул, традиций и кумиров, стремление стать выше всего, преклоняться только перед высоким идеалом человека, перед идеей абсолютной нравственной свободы личности, которая сама по себе мерило, судья и господин... При всем том, при таком видимом материализме русского человека, он на самом деле

в высокой степени идеалист, что доказывается его вечной верой в человеческую натуру, в нравственное самоусовершенствование и идеал...»; что касается русской женщины, продолжал писатель, большинству «даже образованных французов трудно понять, что идейность, преобладание духовных интересов над потребностями плоти, отсутствие привычки к мещанской сытости и комфорту, одолевших современных французов, а вместе и их женщин, то ничтожное значение, которое вообще имеют в русской жизни материальная обстановка и материальные блага, – все это вместе и спасает русскую женщину и от ханжества, и от разврата, и толкает ее в мир принципов, в мир самоусовершенствования и самоотречения. <...> Французы, можно сказать, закончили известный круг культурного развития, удовлетворились и точно окристаллизовались в нем, исчерпав весь запас своих духовных сил, тогда как мы, русские, еще духовно прогрессируем, растем, ищем истины, новых форм жизни и красоты и пр.». Не из Франции, по мысли Тургенева, «возникнет что-нибудь новое», здесь «только сухие, мертвые доктрины, механическое повторение старых, когда-то грозных формул, перешедших теперь в житейский обиход и разменявшихся на мелкую монету. Если и вскрыется лед, если и появятся новые духовные всходы, то не из такого семени, способного дать только пустоцвет, а из более здорового и нетронутого источника. Но где, когда, в какие выльется формы – решать не берусь; я в эту область мало заглядывал. Вам, молодым, идущим в уровень с жизнью, это лучше знать...».¹⁰

Добавим, что проблема атрибуции этой статьи, продолжающей оставаться нерешенной, косвенно помогла бы пролить свет на проблему прототипа (или прототипов) тургеневского замысла. Не убеждают ни предположение Л.Р. Ланского, что автором воспоминаний является эмигрант Н.С. Мазурин, инициалы и фамилия которого выгравированы на венке писателю от его парижских знакомых,¹¹ ни утверждение И.С. Зильберштейна о принадлежности воспоминаний писателю и публицисту М.Н. Ремезову, сотруднику журнала «Русская мысль», в котором они были опубликованы.¹² Отметим только, что ни один из указанных предполагаемых авторов – парижский эмигрант – не указан в самом полном своде сведений о лицах, причастных к революционной пропаганде в России.¹³

Из не менее ценных воспоминаний знакомого и корреспондента писателя эмигранта И. Я. Павловского, не противоречащих воспоминаниям Н. М., но детализирующих сюжет тургеневского замысла, выясняется, что сюжет этот был основан на реальных событиях и имел реальных прототипов: «...мне суждено было быть свидетелем того, как в голове его зародилась идея большого и широко задуманного произведения». В Париже писатель познакомился с неким

эмигрантом П., который посвящал Тургенева во все перипетии истории своих взаимоотношений с двумя русскими сестрами-студентками. П. платонически «влюбился в обеих сестер, занимавшихся в Париже агрикультурой». До встречи с ним девушки усердно занимались химией, мало общались с соотечественниками и были вполне счастливы, особенно старшая, полюбившая одного французского студента. Свадьба была уже «решена, когда П. внес целый переворот в эту мирную среду»; он «вскружил им головы своими туманными, но вдохновенными речами о нравственных идеалах, общественной справедливости, целях жизни», что «учение – это средство для того, чтобы быть полезным народу». П. «часами “пропагандировал” сестер; все трое волновались, бледнели, возмущались, а француз-женых ничего не понимал, скучал, сердился, устраивал невесте сцены, пока она не сказала ему: “Вы просто не понимаете меня, потому что вы французы, а я русская”». Чтобы «как-то выйти из этого тяжелого положения, – вспоминает Павловский, – решено было после долгих совещаний <...> и с невидимым участием Ивана Сергеевича, что старшая сестра повенчается с французом. <...> Иван Сергеевич был посвящен во все подробности этой истории». Вскоре Тургенев сообщил Павловскому, что начал писать. «Удивительное дело, этот роман весь перед моими глазами, совсем готовый. <...> все действующие лица стоят, ходят, движутся передо мною, спорят и разговаривают, мне остается только слушать <...> Когда меня начнут преследовать новые герои, одно спасение от них – писать! <...> прежде всего составляю биографии действующих лиц, каждый имеет свой послужной список. Роман представляется мне в следующем виде. Молодой человек, русский, образованный и очень смелых передовых идей, приезжает в Париж, где знакомится с русской женщиной, которая замужем за французом. Муж ее – радикал, деятельно занимается политикой, человек на виду, на него возлагаются надежды людьми его партии. Одним словом, талантливый и передовой современный француз», однако «либеральный муж совершенно так, как в случае П., тоже оказывается человеком узким <...>. Он живет обыденной жизнью, политикой дня, этими бурями в стакане воды». Как и в случае П. являются на сцену ревность, мелочность, дразги, «и все должно кончиться любовью жены его к своему соотечественнику...

Образы, сцены до того толпились в голове Ивана Сергеевича, что он говорил отдельными словами, намеками, жестами, и кончил тем, что махнул рукой, сказав: “Нет, все это надо написать, иначе ничего не поймете”...

Два года спустя (в конце 1882 г. – С. И.), заключает Павловский, я застал Ивана Сергеевича за кучей исписанных листиков почтовой

бумаги малого формата. – Вот пишу историю П. – сказал он – передайте ему это».¹⁴ Во французском варианте тех же воспоминаний Павловского, вышедших отдельным изданием в Париже в 1887 г. криптоним эмигранта П. был раскрыт: Поливанов. Здесь же говорилось: «Как очевидец я могу утверждать, что в бумагах Тургенева найдется рукопись этого произведения и что рано или поздно оно будет опубликовано».¹⁵

По воспоминаниям очевидца Н.П. Цакни, в Париже Тургенев «особенно сблизился с одним очень оригинальным русским юношей, успевшим обойти всю Россию, побывать в Америке, перенробовать там несколько профессий, прожить в русской полурелигиозной общине и явиться в Париж каким-то мистическим социалистом, ищущим прав и разрешения проблемы всеобщего счастья»; хотя в этом юноше, «несомненно способном и энергичном, экзальтированном скрывалась масса пустословия, фразерства и отчасти “себе на уме”, тем не менее Тургенев был покорен новизной его социально-нравственной проповеди, его сектантской внешностью, его прозелитской энергией, и отдавал ему массу времени». Дальнейший пересказ замысла, практически идентичный пересказу Павловского, Цакни завершает следующим утверждением: «Роман этот, начатый незадолго до смерти, по всей вероятности, остался неоконченным. Но план его и начало, несомненно должны быть в бумагах Тургенева».¹⁶

Высказывалось мнение, что прототипом русского революционера в романе, обозначенного Павловским П., был Николай Васильевич Чайковский (1850-1926),¹⁷ организатор кружка, известного под названием кружка «чайковцев», привлекался по делу «о пропаганде в империи» (процесс 193-х), но успел скрыться. Встретившись в Орле с А.К. Маликовым, увлекся религиозно-утопическим учением, согласно которому люди, морально совершенствуясь, могут приблизиться к Богу, и таким образом, на земле мирным путем воцарятся гармония и благоденствие. В 1875 г. уехал в Америку, где в штате Канзас им, Маликовым, В.И. Алексеевым и С.Л. Клячко была организована сельскохозяйственная коммуна, которая вскоре распалась, после чего Чайковский около года прожил в общине шекеров; вернувшись в Европу в 1879 г., был представителем заграничного отделения «Красного Креста» партии «Народная воля».¹⁸ Тургенев познакомился с Чайковским, вероятно, летом 1879 г., оказывал ему материальную помощь, устраивал его статьи в русской периодике («Русские ведомости», «Русский курьер», «Порядок», «Слово»), состоял в переписке.

Интерес представляет письмо к Чайковскому его соратника, бывшего «чайковца» и участника земледельческой коммуны в Америке В.И. Алексеева, учителя старших детей Толстого (1877-1881), сви-

детеля беседы двух писателей, состоявшейся в начале мая 1880 г.: Тургенев «так чудно тебя описал, что граф из его слов тебя понимает очень хорошо и вполне согласен с тобой»; обращаясь к Толстому, он сказал: «Вы походите совсем на Чайковского, которого я переварить никак не могу, — я его спрашиваю о воспитании, — какое нужно воспитание, — он говорит: не знаю; какие нужны учреждения, — не знаю и т.д. Так чего же вы желаете? — спрашиваю его — “Как мне прожить хорошо”, — был ответ». Он «приводил какого-то еще француза, которого он спрашивал, какие нужны суды (учреждения), был ответ, — “никаких”; какая желательна государственная форма — “никакой” — опять был ответ. Все это, пишет Алексеев, очень нравилось графу, потому что в своей теперешней работе о христианской религии он приходит к подобным же выводам. Тургенев же, как он высказал, ничего этого не понимает».¹⁹ В этой тургеневской характеристике Чайковского едва улавливается сходство с избранным персонажем. Не исключено, однако, что определенные черты характера Чайковского могли быть учтены писателем в осмыслении своего героя-революционера; возможно также, что и автором воспоминаний «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», опубликованных в «Русской мысли», был сам Чайковский, сотрудничавший в этом издании,²⁰ хотя никаких определенных доказательств тому нет.

В связи с воспоминаниями И.Я. Павловского, в исследовательской литературе небезосновательно высказывались предположения, что, вопреки раскрытой фамилии героя П. во французском отдельном издании воспоминаний (Поливанов), прототипом героя-революционера, скорее всего, мог послужить его младший брат Аарон Яковлевич Павловский, с которым Тургенев близко сошелся во второй половине 1879 г., а позже состоял в переписке. Так же, как и Чайковский, Аарон Павловский эмигрировал в Америку, жил в коммуне шекеров, в 1879 г. переехал в Париж;²¹ дальнейшая его биография — был постоянным собеседником и корреспондентом Тургенева, учился в агрономической школе в Монпелье, женился — факт, интересовавший Тургенева, в Париже на русской девушке — совпадает со сведениями, сообщенными о П. (якобы Поливанове) И.Я. Павловским, включая признание писателя, что главным положительным героем его нового романа был «русский еврей». Можно только гадать о причинах этой мистификации.²²

Однако неопровержимых свидетельств в пользу ни одного из трех претендентов на место прототипа главного героя замысла нет и, вероятно, его и не было. Как правило, создавая каждый свой персонаж, Тургенев использовал собирательные характерные, внешние и биографические черты нескольких людей. К возможным прототипам героя романа следует отнести, помимо Поливанова, Чайков-

ского и Аарона Павловского, таких деятелей русской революционной эмиграции, как П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, Г. А. Лопатин, С. М. Степняк-Кравчинский, И. Л. Шполянский, В. Ф. Гинтовт-Дзевалтовский, С. М. Клячко, М. О. Ашкинази, И. Я. Павловский и др., с которыми Тургенев встречался, интересовался их деятельностью, взглядами и убеждениями; большинству из них помогал, устраивая их статьи и переводы, состоял в переписке.

Скептически относясь к народникам и «хождению в народ», не приемля терроризм, исповедуемый народолюбцами, Тургенев искренне восхищался моральными качествами русской революционной молодежи – самоотверженностью, целеустремленностью, идейностью. На таких «новых», оригинальных» людей в среде революционной молодежи, озабоченных собственным самосовершенствованием, Тургеневу, по воспоминаниям Н. Н. Златовратского, указали собеседники писателя, литераторы, организовавшие журнал «Русское богатство», на встрече в Петербурге 6 марта 1880 г. (В.М. Гаршин, Г.И. Успенский, Н.С. Рusanов, С.Н. Кривенко, А.И. Эртель, Златовратский и др.): «Тургенев говорил, что он сам недоволен “Новью”, что это он только наметил некоторые черты, которые мог проследить по своим заграничным знакомым, что он теперь очень занят мыслью глубоко изучить это явление и что у него уже теперь имеется план изобразить русского “социалиста”, именно “русского”, который не имеет ничего, в главных психических основах, общего с социалистом западноевропейским». ²³ С.Н. Кривенко, присутствовавший на этой продолжительной встрече, вспоминал, что Тургенев «в заключение сказал: «“Новь” ведь у меня не кончена. Я удивляюсь, как этого не заметили. Так прямо оборваны нити, и как бы мне хотелось, если только буду в состоянии, написать продолжение или что-нибудь подобное на ту же тему. Не хочется только, чтобы об этом раньше времени говорили»». ²⁴

По воспоминаниям М. Ковалевского, Тургенев «чувял зарождение чего-то нового в нашем обществе, еще не изображенного им в “Нови”. Но неопределенность, с которой высказывалось это новое течение к концу царствования Александра II, сама служила препятствием художественному его воспроизведению. До многих, вероятно, дошел слух о подготовляемом Тургеневым новом романе. Этот роман не был даже начат Иваном Сергеевичем. <...> Однажды пишущий эти строки позволил себе даже открыто обратиться к Тургеневу с просьбой написать этот роман, и в общих чертах отметил те стороны нашей общественной жизни, которые не были еще затронуты Тургеневым»; он отвечал: «Слушая вас и соглашаясь с вами, все же недоумеваю, какое художественное произведение может выйти из попытки изобразить еще не вполне определившиеся течения. Вы

сами говорите об их слабости и отсутствии под ними твердой почвы. Уж не назвать ли мне мой новый роман "Трясиною"? Нет! Вы требуете от художника невозможного! Вы требуете, чтобы он дал бесформенности форму!».²⁵ Название романа «Трясины», озвученное Ковалевским, не вызвало никаких сомнений у прочитавшего это свидетельство Лаврова, хорошо осведомленного в сюжете замысла романа. Это был период, писал он в статье «И.С. Тургенев и развитие русского общества», когда Тургенев «видел только недостатки в представителях нового движения и раздражался ими как новым разочарованием».²⁶ О вероятности этого заглавия на каком-то этапе развития замысла говорит то, что коннотации, вызванные таким заглавием, вступали в очевидную антитезу с заглавием романа «Новь».

Любопытное свидетельство, не назвав источник, привел в 1914 г. исследователь М.М. Клевенский: «Как писателя его привлекала мысль художественно разработать сложную тему русского социализма — очевидно, уже в другом освещении, чем в "Нови»»; русский социалист, в отличие от социалиста европейского, защищающего определенные классовые интересы, «не является совершенно выразителем стремлений рабочего класса, он "сам по себе", и его социализм есть только созданная им самим своя собственная программа идеального будущего общественного строя. Такой русский мечтатель есть прежде всего "самист" (от слова "сам"), и под этим названием Тургенев и хотел его изобразить».²⁷

В пользу вероятности этого заглавия говорит и Н.М. Минский, в воспоминаниях которого, опубликованных позже приведенного Клевенским свидетельства, содержатся дополнительные штрихи к замыслу этого романа и концепции заглавного героя: «Незадолго до своей смерти Тургенев <...> довольно подробно излагал содержание романа, который по психологии его [центрального] героя должен был называться "Самист"». В то время Минский «слушал его рассказ с некоторым удивлением, так как психология Самиста казалась ему небывалой и слегка придуманной. Но впоследствии, присматриваясь к русской действительности, к легиону возникших у нас мегаломанов и хвастливых сверхчеловеков, он часто вспоминал о ненаписанном романе Тургенева и удивлялся прозорливости этого гения, провидевшего все это болезненное явление русской жизни, от босяков до Саниных, в то время, когда сами творцы этих типов еще не имели о них никакого представления».²⁸ В более позднем варианте этих воспоминаний «Три часа у Тургенева» (1921) рассказ писателя был дополнен Минским: «задумываю новый роман, который будет называться "Самист". Вас удивляет это слово? Самист — это значит человек, который признает в мире только себя самого, свои собственные желания, страсти. Это новая последняя разновид-

ность нигилиста»; и далее «Тургенев задолго предвидел “Санина” Арцыбашева и в лице Самиста предугадал тип русского интеллигентного хулигана, сыгравшего такую печальную роль в нашей революции». ²⁹ О существовании замысла Тургенева с таким названием упоминается в кратком сообщении газеты «Заря», которое двумя днями позже было дословно повторено в «Одесском листке» и затем в «Орловском вестнике»: «Имеющий появиться в будущем году на страницах “Вестника Европы” новый роман И.С. Тургенева носит название “Самист”. В своем новом произведении маститый художник выводит тип семьи, в которой жена содержит мужа, зарабатывая средства к жизни, а муж живет “сам по себе”, без всяких занятий, проводя время только в праздности». ³⁰

Самист (согласно В.И. Далю) – это вариант эгоиста. ³¹ В таком значении кличка эта употреблялась в переписке Тургенева и П.В. Анненкова по отношению к бойкому журналисту С.Ф. Шаррапову, парижскому корреспонденту «Нового времени». ³² Проведенная Минским аналогия с романом М.П. Арцыбашева «Санин» (1907) оказалась в русле наблюдений Ковалевского и Лаврова и подтверждает, что первоначальный замысел о русском революционере-идеалисте, так непохожем на французского, вероятно, претерпевал изменения в сторону критического отношения Тургенева к своему герою.

Примечания

¹ См.: Бродский Н. Замыслы И.С. Тургенева. Материалы к истории его художественного творчества. М., 1917. С. 26-33; Грузинский А.Е. И.С. Тургенев (личность и творчество). 1818-1918. М., 1918. С. 195-199; Клеман М. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева // И. С. Тургенев (К 50-летию со дня смерти). 1883-1933 / Сб. статей. [Л.,] 1934. С. 387. № 533; Эйхенбаум Б. Приложение 3 // Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Т. 11. Л., 1934. С. 677; Осьмакова Л.И. К истории изучения незавершенных произведений и неосуществленных замыслов И.С. Тургенева // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 186. Рус. лит. Вып. 11. М., 1967. С. 179.

² Цит. по: Уоддингтон П. Скромный обед в клубе искусств... // И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 1. М.; СПб., 2009. С. 223-224 (пер. В.А. Лукиной).

³ Тургенев. ПССиП(1). Письма. Т. 131. С. 145.

⁴ Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-ое. СПб., [1908]. С. 97.

⁵ Тургенев. ПССиП(1). Письма. Т. 131. С. 119.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Цит. по: Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876-1883) / Автор-составитель Н.Н. Мостовская. СПб., 2003. С. 419.

⁸ ЛН. Т. 73. Кн. 1. М., 1964. С. 404.

- ⁹ *Верещагин В. В.* Повести. Очерки. Воспоминания / Сост. вступит. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. М., 1990. С. 180.
- ¹⁰ *Н. М.* Черты из парижской жизни И.С. Тургенева // *Русская мысль*. 1883. № 11. С. 319-323.
- ¹¹ См. *ЛН*. Т. 76. С. 649.
- ¹² См. *Зильберштейн И.* Страницы последнего романа Тургенева: не найденны или утрачены? // *Литературная газета*. 1968. 7 августа. № 32. С. 7. См. также: И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 470 (коммент. В.Г. Фридлянд).
- ¹³ См. *Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь / сост. А.А. Шиловым и М.Г. Карнауховой. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М-Р М., 1931.*
- ¹⁴ *И. П.* <Павловский И Я.> Воспоминание об И. С. Тургеневе (Из записок литератора) // *Русский курьер*. 1884. 2 июня. № 150. С. 1-2.
- П.А. Кропоткин*, говоря о замысле этого тургеневского романа, выразил уверенность, что одна сцена, рассказанная ему писателем (об инциденте на представлении пьесы Э. Ожье «Госпожа Каверле» 4 марта 1876 г.), где столкнулись два взгляда на брак «иностранцев и нас, русских», «непреренно должна быть в его рукописи. Как жаль, что Тургенев не написал этого произведения!» (*Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В. А. Твардовской. М., 1966. С. 373*). См. также: *Алексеев М.П.* Тургенев в спорах о пьесе Э. Ожье // *Тургеневский сборник. Вып. 3. Л., 1967. С. 240-254.*
- ¹⁵ *Pavlovsky I.* Souvenirs sur Tourgu neff. Paris, 1887. P. 109.
- ¹⁶ *Ф.* И.С. Тургенев (По воспоминаниям его друга Н.П. Цакни) // *Руль*. 1908. 25 августа. № 129. С. 5.
- ¹⁷ См. *Бродский Н.* Замыслы И.С. Тургенева. С. 27. См. также: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 87, где сведения о том, что Тургенев намечал Чайковского прототипом романа о русском революционере, ошибочно приписаны И.Я. Павловскому.
- ¹⁸ См. *Деятели революционного движения в России. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1932. Стлб. 1921*; см. также: *Чайковский Н.В.* <Автобиография> // *Русские ведомости. 1863-1913 / Сб. Статей. М., 1913. С. 282-284*; см. также *Тургенев. ПССиП(1). Письма. Т. 122. С. 644*; *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 147-150.
- ¹⁹ *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 93-94.
- ²⁰ См., например: *Русская мысль*. 1881. № 9-10: пер. Чайковского книги А.М. Скулливана «Новая Ирландия».
- ²¹ См. *Деятели революционного движения в России. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3. Стлб. 1930-1131.*
- ²² См. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 472 (коммент. В.Г. Фридлянд); *Waddington P.* Turgenev and Pavlovsky: A Friendship and Correspondence. New Zealand, 1998. P. 544 см. также P. 2-3, 6; *Waddington P.* Turgenev's Seventh or Whatever became of that Novel about Russian and French Socialists? New Zealand, 2003. P. 17-18, 21-22.
- ²³ *Златовратский Н.Н.* Из литературных воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и коммент.

- М.К. Клеман. Ред. и введение Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 303.
- ²⁴ *Кривенко С.Н.* Из литературных воспоминаний // Там же. С. 243.
- ²⁵ *Ковалевский М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Миновавшие годы.* 1908. № 8. С. 17 (вперв.: *Русские ведомости.* 1883. 27 сент. № 265. С. 3).
- ²⁶ *Лаверов П.Л.* И.С. Тургенев и развитие русского общества (1884) // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. С. 69.
- ²⁷ *Клевенский М.М.* И.С. Тургенев и семидесятники // *Голос минувшего.* 1914. № 1. С. 17.
- ²⁸ *Н.М. Минский* <Иван Сергеевич Тургенев>. Публ. С.А. Ипатовой // И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 1. С. 324.
- ²⁹ *Минский Н.М.* Три часа у Тургенева // *Литературное обозрение.* 1993. № 11. С. 12-13. Ср.: Штрихи к портрету «Страшного Тургенева»: Неопубликованный мемуарный очерк Н.М. Минского (Вступ. зам., публ. и коммент. С. Сапожкова) // *Новое литературное обозрение.* 2005. № 72. С. 23.
- ³⁰ *Орловский вестник.* 1882. 10(22) января. № 7. С. 4. Б. п.; см. также: *Заря.* 1881. 18 декабря. № 278. С. 1. Б. п.; *Одесский листок.* 1881. 20 декабря (1 января 1882). № 221. С. 3.
- ³¹ Сámить – воротить в свою пользу, тянуть все себе или на себя, присвоить; Сámóтность – себялюбие, своекорыстие, забота об одном себе с небрежением к общему благу (нем. Selbstsucht), эгоизм (Т. 4. С. 134).
- ³² См.: П.В. Анненков. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 т. Т. 2: 1875-1883 / Изд. подг. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб., 2005. С. 90 (письмо Анненкова от 13(25) сентября 1878 г.); см. также: С. 268.

И.Л. Золотарев

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И.С. ТУРГЕНЕВА И ГИ ДЕ МОПАССАНА («Муму» Тургенева, «Кокотка» Ги де Мопассана и другие истории)

В 2010 году литературная общественность отметила 160-летие со дня рождения Ги де Мопассана, который был своеобразным, талантливym последователем И.С. Тургенева. В 2012 году исполнилось 160 лет «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Оба писателя были связаны дружескими отношениями, они принадлежали к одному литературному течению, совершенствовали реалистический метод, способствуя движению литературы к новой эстетике. Обогащая реализм эстетикой фантастического, писатели стремились к более глубокому познанию человека, исследованию его сложного внутреннего мира.

Мопассан высоко ценил творчество русского писателя, считал его своим «мэтром», особенно в области реалистической фантасти-